

ВИНЕ МЕИР

ПРЕДНАЧЕРТАНА
ДРАКОНУ,
ИЛИ
ВТОРОЙ ШАНС ПОСЛЕ “РАЗВОДА”

Вине Меир

Предначертана дракону, или Второй шанс после "развода"

<https://litres.ru/74616027>

Аннотация

Меня учили быть удобной. Молчаливой. Покорной. В учебнике «Идеальная жена» об этом написано чётко. Правда, там ни слова о том, что делать, когда застаёшь супруга с любовницей, а пощёчину получаешь ты.

После одного слишком громкого «я хочу развод» я оказалась в подвале. А потом — в лесу, без туфель, с разбитой губой и диким желанием выжить. И, кажется, местная ведьма с говорящими кошками — именно то, что мне нужно.

Новая жизнь, новые обязанности, новые знания. Я думала, худшее позади. Но когда на лесной тропе находишь раненого незнакомца с золотыми глазами, который утверждает, что искал тебя двести лет, — это уже не «худшее». Это начало чего-то совершенно безумного.

Говорят, драконов не существует. Мой муж так и сказал. Но, кажется, он ошибался. По всем статьям...

График выхода глав:

ВТ, ЧТ

Содержание

Глава 1	4
Визуал. Эмили Вэллс	10
Визуал. Ричард Вэллс-Третий	11
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Арт. Глава 4	33
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Визуал. Вивьен	53
Глава 8	54
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1

Я должна принадлежать ему. Только ему одному. Не поднимать глаз. Не говорить, пока не спросят. Не дрожать от страха, когда на меня повышают тон. Так меня растили. Так меня учили. Так я должна была делать.

Но кого, скажите на милость, растили учить прятать прегрешения своего супруга? В учебнике «Идеальная жена: от А до Я» об этом не писали. Наверное, цензоры вырвали страницу. Или, что более вероятно, её вырвал сам папенька, когда наткнулся на главу «Как прищемить супругу яйца с помощью бытовой магии и не спалиться перед соседями» (Или вроде того). Потому что мой отец свято верил: жена должна быть удобной, как табуретка, и молчаливой, как рыба. Желательно — копченая.

Сейчас, стоя в спальне, держа ладонь на горящем следе, словно туда плеснули не пощёчину, а эльфийское проклятие — я не решалась поднять взгляда. В ушах звенело. Где-то далеко, в коридоре, механические часы пробили полночь.

«Двенадцать ударов — ровно столько же, сколько устриц я съела за ужином, когда он клялся мне в вечной любви, глядя поверх моего плеча на входную дверь». Наверное, устрицы тоже чувствовали себя обманутыми. Интересно, их перед смертью предупреждают, что лимоном польют, или это сюрприз? Вот меня — не предупредили.

Мой супруг, лорд Ричард Вэллс-Третий, обладатель титула, родового проклятия в виде непомерной гордыни, смотрел на меня так, словно я была не человеком, а насекомым, которое посмело заползти на его парадный мундир. А ведь это я застала его за изменой. Изменой с той самой, кто сейчас прячет свое нагое тело за простыней, которая, к слову, стоила три золотых и была куплена мной в прошлый месяц на благотворительной ярмарке графинь-рукодельниц. И, между прочим, я специально брала эту простыню с вышитыми дракончиками — думала, что она принесет удачу в супружескую жизнь. Судя по всему, дракончики переметнулись на сторону врага.

— А ну подними глаза, — процедил он сквозь зубы. Его голос тёк по позвоночнику ледяной водой, оставляя после себя мурашки размером с бегемота. — Ты смеешь обвинять «меня»? Когда сама виновата в том, что произошло?

Я затаила дыхание. Что, простите? Я виновата? Может быть, мне стоило заколдовать дверь спальни заклинанием «Не входи, там такое»? Или повесить табличку «Осторожно, измена!»?

В учебнике, разумеется, об этом не писали. Там была глава «Как встретить мужа с работы», но о том, как встретить мужа с любовницей — ни слова. Упущение с их стороны на мой взгляд.

— Серая... пугливая мышь. — Он шагнул ко мне, в нос ударил запах чужих духов — тонкий, раздражающий жас-

мин. — Ты не умеешь удерживать мужчину. Ты не страстна, не дерзка, не загадочна. Ты превратила наш дом в библиотеку, а себя — в её библиотекаря!

Я хотела сказать, что библиотека — это, между прочим, очаг культуры и знаний, и если бы он хоть раз заглянул в книгу, а не в декольте какой-нибудь девицы (да-да, звоночки были), то узнал бы, что...

Но я промолчала.

Потому что я серая мышь. И мыши не разговаривают. Они только пищат.

— Прости... — тихо проговорила я.

— Прости, — фыркнул он, спешно застегивая пуговицу на брюках. Забавно: эту пуговицу я пришивала сама, нитками в цвет, двойным крестом, как учил тот самый учебник, — Выйди. Не мозоль мне глаза.

Да. Все так, как вы видите, и никак иначе. Он выставил меня виноватой в своей измене, а потом и из комнаты. А я не сказала ему ни слова против. Смешно. Будто у меня был выбор. А куда мне идти? Родители не примут обратно — для них я товар, который вернули за браком. Подруги? У меня их нет, ибо «идеальная жена» не должна иметь собственного круга общения, кроме кружев и благотворительных обедов. Оставался только холодный коридор, гобелен с изображением охоты и собственные мысли, которые сейчас жалили больше любой пощёчины.

Я прислонилась спиной к стене и медленно сползла вниз.

В голове пульсировало: «Серая мышь. Серая мышь. СЕРАЯ МЫШЬ». Интересно, а мыши умеют огрызаться? Или, на худой конец, кусаться? В учебнике об этом тоже ничего не было. Зато там подробно расписывали, как правильно складывать носки мужа треугольником и варить бульон, чтобы он был «прозрачным, как слеза невинной девы», на случай, если прислуги не окажется рядом, или муж скупердяй. Очевидно, мои слезы были недостаточно прозрачными, раз он предпочел девицу, чья «прозрачность» ограничивалась отсутствием одежды за три золотых. И ещё меня мучил вопрос: эти три золотых — они из моего карманных расходов? Получается, я сама оплатила простыню, на которой мне изменили? Это новый уровень финансовой неверности.

— Леди Вэллс? — раздалось над ухом, и я чуть не подпрыгнула до потолка, позабыв, что я вообще-то должна быть серой и незаметной.

Я вздрогнула и подняла голову. Передо мной стоял наш дворецкий, мистер Хьюмс. Ему было под шестьдесят, он служил ещё отцу Ричарда и был единственным существом в этом доме, кто смотрел на меня не как на мебель, а как на человека — пусть и с легкой примесью жалости. И, как говорили кухарки, с легкой примесью бесовщины в роду, потому что говорил он иногда такое, что любой цензор удавился бы от возмущения.

— Мистер Хьюмс, — я попыталась улыбнуться уголками губ, но вышла скорее гримаса. — Не обращайтесь внимания.

Просто... проветриваюсь.

— В коридоре? — Его седая бровь поползла вверх, а вторая, наоборот, вниз, создавая на лице выражение глубочайшего скепсиса. — Осмелюсь заметить, сквозняки здесь гуляют знатные. Простудитесь, чего доброго. А простуда, как известно, ведет к насморку, насморк — к головной боли, головная боль — к тому, что вы неправильно сложите носки его сиятельства треугольником, а это уже — катастрофа вселенского масштаба.

— Мне нельзя болеть, — фыркнула я, ощутив внезапный приступ горечи. — «Болеть — это неудобство для мужа. Лечитесь молча и быстро». Особенно подозрительно я смотрела на раздел «Как лечить простуду, не отвлекая мужа от обеда». Там рекомендовалось засовывать градусник в суп, чтобы он быстрее остывал, и чихать в горшок с геранью, якобы растение поглощает звук. Я проверяла: не поглощает.

Хьюмс кашлянул, пряча улыбку. Он знал про этот учебник. Мы даже однажды нашли в буфете старую заварку, и мужчина мрачно пошутил, что там наверняка написано и как правильно заваривать чай из опилок, если муж решил сэкономить. А потом мы нашли приписку на полях: «Если муж решил сэкономить на чае — экономь на его завтраке. Это называется “баланс в отношениях”». Подпись была неразборчивая, но очень злая.

— Леди Вэлс, — он понизил голос, оглянувшись на дверь спальни, откуда доносилось приглушенное хихиканье, а сле-

дом и звук разбитого стекла — Я, конечно, старый слуга, но кое-что понимаю. Ваш супруг... э-э... не прав. И дело не в том, что он вас ударил. — Видимо, след был куда сильнее, чем я полагала, — Дело в том, что он ударил вас, когда правда была на вашей стороне. Это... дурной тон. Как соло на ложке во время симфонического концерта.

Я моргнула. Хьюмс только что высказал мысль, которую я боялась признать даже самой себе. И сделал это так, будто обсуждал погоду или качество чая.

— Я не знаю, что делать, — призналась я шепотом. — Меня учили быть покорной. Меня учили терпеть. Но меня не учили... вот этому. Не учили, как быть, когда твой муж — законченный осел с титулом, а ты — мышь, которая внезапно поняла, что умеет не только пищать, но и рычать.

— Может, — Хьюмс выдержал паузу, в которой слышался скрежет шестеренок его древнего мозга, — вас учили не тому, чему надо? Идемте. Я налью вам чаю, для успокоения.

Я не стала сопротивляться. Просто поднялась, отряхнула юбку и пошла за ним — как учили, как положено, как делают все «идеальные жены». Ноги слушались плохо, словно налились свинцом, а в груди разгоралось что-то странное. Не боль. Жар. Словно там, под ребрами, зашевелился маленький, злой дракончик, которого я сама не знала, что держу на привязи. И этот дракончик, кажется, был недоволен тем, что его разбудили посреди ночи.

Визуал. Эмили Вэллс

Визуал. Ричард Вэллс-Третий

Глава 2

Хьюмс привел меня в свою небольшую комнатку при кухне. Обычно прислуге запрещалось приглашать хозяев в свои помещения, но сейчас он, кажется, плевать хотел на субординацию. Да и я — честно говоря — тоже. Сил нет идти в эту вычурную «идеальную гостиную».

Здесь пахло сушеными травами, воском и старыми книгами. На полке над камином я заметила несколько потрепанных томиков в кожаных переплетах, стоявших вперемешку с баночками, на которых корявым почерком было выведено: «От головной боли», «От тоски» и — отдельно — «От мужской дури. Пить с осторожностью». Я подавила нервный смешок.

— Присаживайтесь, леди Вэллс. — Хьюмс пододвинул кресло ближе к огню. — Я мигом.

Я осторожно опустилась в предложенное кресло, покосившись на второе. Оно выглядело безопасным, но кто знает?

Мужчина колдовал у плиты, заваривая чай с какой-то особой тщательностью, словно проводил магический ритуал. Я смотрела, как его морщинистые руки отмеряют ложку мяты, щепотку чего-то золотистого и каплю янтарной жидкости из пузатой бутылки, которую он предусмотрительно достал из самого дальнего угла шкафа. И, кажется, не для чая. Судя по запаху, это был коньяк, которому на вид было лет сто пять-

десять. И, судя по тому, как Хьюмс плеснул его в кружку — с уважением и любовью, — этот коньяк повидал жизнь. Возможно, даже больше, чем я.

— Мистер Хьюмс, — начала я, чувствуя, как слова ворочаются на языке, обжигая горечью. — Вы сказали, меня учили не тому. А чему нужно было? Чему учат «правильных» жен?

Старый дворецкий замер на миг, не оборачиваясь. Потом все-таки повернулся, поставил передо мной дымящуюся кружку — простую, глиняную, с трещиной на ободке, такую теплую, что пальцы сами потянулись к ней.

— Ну, во-первых, — он присел напротив, на корточки, чего джентльмен его положения никогда не делал перед леди. — Вас нужно было учить, что пощечина — это не аргумент. Что мужчина, который поднимает руку на женщину, теряет право называться мужчиной. И что любовь — это не сделка, в которой вы должны терпеть, а он имеет право брать. Это как с пирогами: если пирог подгорел, его не выбрасывают, а срезают корку.

Я сглотнула. Аналогия с пирогами была неожиданной, но убедительной.

— А во-вторых? — голос дрогнул.

— А во-вторых... — Хьюмс вздохнул, потер переносицу и посмотрел на меня с той странной смесью отеческой заботы и суровой правды, от которой защипало в уголках глаз. — Вас нужно было учить, что вы — не собственность. Что ваше

тело, ваше сердце и ваша голова — не для того, чтобы кто-то ими владел. Разве что по обоюдному согласию и с превеликим уважением. А уж если мужчина считает, что может шлепать вас по щекам, а сам развлекаться с девицами за три золотых... — Он осекся, видимо, поняв, что зашел слишком далеко в откровениях. Но я не рассердилась, а вдруг почувствовала, как уголки губ дергаются вверх. Криво, горько, но — вверх.

— Возможно, вы правы, — прошептала я, — Спасибо... — добавила еще тише, сделала ещё глоток — и, кажется, коньяк начал действовать быстрее, чем я рассчитывала. Пальцы перестали дрожать, в голове вместо противного звона поселилось приятное тепло, а дракончик внутри довольно заурчал и перевернулся на другой бок.

— Мистер Хьюмс, — я поставила кружку на колено, обхватив её обеими ладонями. — А вы... вы давно здесь служите? Вы, наверное, ещё моего свёкра помните? Лорда Вэллса-Второго?

Хьюмс хмыкнул, поправляя манжеты, и бросил взгляд на портрет, висевший в коридоре. Там, в золочёной раме, красовался покойный свёкор — с таким выражением лица, будто ему только что сообщили, что обед подали без него.

— Помню, — коротко ответил он. — Хороший был человек. Для своего времени. Для своей эпохи. Для своего некролога.

— Это... комплимент? — уточнила я осторожно.

— Это констатация факта, миледи. — Хьюмс взял со стола заварочный чайник и, не спрашивая разрешения, долил мне ещё. — Он, в отличие от сына, хотя бы знал, когда стоит замолчать. И когда стоит уйти. И когда стоит сделать вид, что ты ничего не заметил, потому что так всем будет спокойнее.

Я задумалась. А ведь и правда: лорд Вэллс-Второй никогда не повышал голос на прислугу. Он просто... игнорировал. Смотрел сквозь, будто вы — часть интерьера.

Может, это семейное? Сначала сквозь смотрят, потом по щекам бьют, а потом — что? Прибивают к стене как гобелен?

— Скажите, — я вдруг почувствовала, что язык начал заплетаться, но вопрос был слишком важным, чтобы его откладывать, — а что бы вы сделали на моём месте? Если бы... ну, если бы вы были женой, которую ударил муж?

Мужчина замер. Он долго смотрел на меня — так долго, что я успела допить чай и начать рассматривать трещину на кружке. Потом он произнёс всего одно слово, но оно прозвучало как раскат грома в тихую ночь:

— Ушла.

Я поперхнулась.

— Что?

— Ушла, — повторил он спокойно, — Собрала бы вещи — не фамильные драгоценности, а свои, те, что дороги сердцу. Взяла бы кошку, если есть. И ушла. К подруге. К троюродной тётке. В трактир на окраине. В крайнем случае — в лес, к ведьме. В лесу сейчас, говорят, очень хорошие ведьмы.

— В лес? — переспросила я, пытаюсь представить себя в лесу. В моём шёлковом халате? С кружевным зонтиком? Да меня там первый же леший защекочет до смерти, приняв за диковинную бабочку.

— А что такое? — Хьюмс пожал плечами. — Лес нынче цивилизованный. Тропинки мощёные, указатели стоят. У одной ведьмы, говорят, даже камин в аренду сдают и чай с мятой бесплатно. И мужей на порог не пускают. Вообще. Даже если они с цветами и извинениями.

Я хихикнула. Представила Ричарда с букетом роз, стоящего перед калиткой лесной избушки, а из окошка ему показывают кукиш. Картина была настолько прекрасной, что я чуть не расплакалась — на этот раз от смеха.

— Мистер Хьюмс, — сказала я, вытирая уголки глаз. — Вы мой спаситель. Вы это знаете?

— Я всего лишь старый дворецкий, который любит хорошо заваренный чай и справедливость, — он слегка поклонился, — А теперь, леди Вэллс, допивайте и ступайте. Вам нужно отдохнуть. Завтра будет новый день. И, кто знает, может быть, вы начнёте его не с утреннего кофе, а с чего-нибудь более решительного.

Я поднялась, чувствуя, как ноги стали ватными, но на душе — лёгкой, как пух одуванчика. Обернулась у двери:

— Мистер Хьюмс... А тот учебник. «Идеальная жена: от А до Я». Вы не знаете, где можно достать другое издание? Ну, такое, где пишут правду?

Хьюмс усмехнулся — впервые за весь вечер по-настоящему, тепло и открыто.

— Знаю, миледи. Я его написал.

Я замерла.

— Что-о-о?

— Шучу, — он кашлянул в кулак. — Но мог бы. Идите спать, леди Вэлс. И, ради всех святых, не читайте на ночь эту ерунду. Лучше возьмите в библиотеке какой-нибудь роман про драконов. Там, по крайней мере, понятно, кто злодей.

Я вышла из комнаты, всё ещё улыбаясь.

«Понятно кто злодей... Вот бы и в жизни заранее знать».

Глава 3

За завтраком я молчала. Демонстративно молчала, вилкой вырисовывая узоры на яичнице, будто это был священный магический круг, призванный изгнать из моей жизни супружескую тоску. Я сделала вид, что не приходила вчера к своему благоверному в спальню, чтобы провести с ним время — соскучилась, глупая, думала, может, он тоже помнит, что мы когда-то не ненавидели друг друга. Ричард тоже делал вид. Он раздраженно пил кофе, морщась, как будто в чашку вместо сахара насыпали песок, и с такой яростью листал газету, что та жалобно хрустела, умоляя о пощаде. Похоже, ночка выдалась не такой веселой, как он планировал. А мне было... приятно.

— Дорогой, — я намазала маслом тост, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — тебе еще кофе? Или, может, валерьянки?

— Не называй меня так, — буркнул он, не отрываясь от газеты. Взгляд у него был такой, будто он искал там объявление о распродаже совести. — У тебя голос сегодня какой-то... противный.

— Я просто плохо спала, — ответила я, откусывая тост с выражением кроткой овечки, — Кошмары снились. Страшные.

— Какие еще кошмары? — он наконец отложил газету и

посмотрел на меня. — Тебе не могут сниться кошмары. У тебя идеальная жизнь! У тебя есть я! Что может присниться идеальной жене? Сундук с золотом, который сам себя пересчитывает?

— Ну, например, что меня превратили в табуретку, — пожала я плечами, с хрустом откусывая тост снова, — и поставили в угол. Скучно, знаешь ли, стоять и смотреть на плесень. Или что я вышла замуж за дракона, и он требует, чтобы я каждый день чистила ему чешую. Зубной щеткой. Представляешь, какое у него дыхание по утрам?

Ричард поморщился.

— Ты говоришь ерунду. Драконов не существует. Это сказки для простолюдинов. К тому же, ты не умеешь доводить ничего до блеска. Ты даже чайник не натираешь как следует. Он у нас матовый!

Я промолчала. Для этого есть прислуга, но спорить с ним за завтраком было бесполезно — его упрямство могло бы позавидовать даже каменная стена. Вместо этого я представила, как натираю чайник, а потом этим же чайником — его физиономию. С наслаждением, с мылом, до скрипа. На душе сразу стало теплее и уютнее, прямо как в пещере у тролля, который нашёл золотую монету.

— Кстати, — он вдруг откашлялся, поправил воротник, (надеюсь, справедливости ради, душила его совесть), — сегодня вечером у нас гости. Приедет лорд Торнхилл с супругой. И лорд Эшли. И... э-э... леди Маргарет.

— И та самая девица, что вчера пряталась за моей простыней за три золотых? — уточнила я с абсолютно невозмутимым лицом. — Кстати, она уронила заколку. С птичкой. Я положила её в вазу в прихожей. Надеюсь, она не подумает, что это я её украла. У меня свои заколки есть, между прочим.

Ричард поперхнулся кофе. Его лицо пошло красными пятнами. Он закашлялся, стукнул кулаком по столу, и, кажется, даже задел локтем чашку, которая жалобно звякнула и обиженно покачнулась.

— Как ты смеешь! — прошипел он, когда откашлялся. — Я не потерплю таких разговоров за завтраком! Ты что, с ума сошла? Подслушивала?

— А за ужином можно? — поинтересовалась я, делая глоток чая. Тот был восхитительный. Наверное, Хьюмс поделился заваркой... Или коньяком. Или тем и другим. — А что, за ужином подавать сплетни положено.

Ричард явно не ожидал отпора, да еще и в такой форме. Серые мыши обычно не кусаются. Они тихо сидят в углу и жуют сыр. Но, видимо, эта мышь наелась сыра и переключилась на деликатесы — например, на мужское самолюбие.

— Ты... — он ткнул в меня пальцем, я заметила, что тот дрожит, — Ты ведешь себя неподобающе! Где твоя покорность? Где уважение к супругу? Где обещание молчать и слушаться?

— Наверное, там же, где и твоя верность, — ответила я,

ставя чашку на блюде. — Потерялись по дороге. Может, объявление в газету дать? Авось кто найдёт и принесёт за вознаграждение. «Пропали совесть и достоинство. Нашедшего прошу не возвращать. Оставьте себе».

На секунду в столовой повисла тишина. Ричард побагровел, открыл рот, закрыл его, снова открыл, и наконец выдал:

— Ты... ты не посмеешь являться на сегодняшний ужин! Чтобы я тебя не видел! Чтобы никто не видел! Ты опозоришь меня перед гостями!

— Хорошо, — спокойно ответила я, мысленно составляя список того, что возьму с собой в лес, если решусь бежать. — Я не приду. Буду сидеть в своей комнате и читать романы про драконов. Между прочим, там героини гораздо интереснее некоторых реальных леди.

— Вот и сиди! — рявкнул он, вскакивая и опрокидывая стул. Тот с грохотом рухнул на пол, выражая солидарность с моими чувствами. — Сиди и не высывайся! Чтобы я тебя не видел! Чтобы никто не видел!

— Повторяешься, — почти пропела я, не смотря на него. Он вылетел из столовой, громко хлопнув дверью. Со стен чуть не посыпалась штукатурка, а портрет его прабабки на стене возмущенно качнулся — видимо, ей тоже не понравилось такое поведение.

Я проводила супруга взглядом и медленно выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле, пытаясь пробиться нару-

жу, но на губах расплзалась улыбка. Какая-то новая, незнакомая улыбка — чуть дерзкая, чуть опасная, и безумно приятная. Улыбка женщины, которая только что поняла, что ей надоело быть табуреткой.

В столовую заглянул Хьюмс с подносом в руках. Он окинул взглядом опрокинутый стул, мое лицо и, кажется, сделал какие-то свои дворецкие выводы.

— Леди Вэллс, всё в порядке? Мне показалось, или его сиятельство чем-то недоволен?

— О, он в полном восторге, — я взяла ещё один тост, намазала его джемом, чувствуя себя главнокомандующей на поле боя. — Просто у него такой способ выражения радости. Словесный погром и опрокидывание мебели.

Хьюмс кашлянул, пряча улыбку в седые усы.

— Осмелюсь заметить, миледи, что сегодня вы выглядите... иначе. Как-то... свежо. И опасно.

— Правда? — я коснулась щеки. — Это, наверное, коньяк.

— Или пробуждение истинной леди, — тихо добавил он и, подмигнув, удалился, унося с собой пустой.

Я осталась одна. Солнце заливало столовую золотым светом, на столе дымился чай, за окном чирикали птицы, и мир казался вдруг огромным, полным возможностей и совершенно не таким страшным, как вчера. Вчера я была табуреткой. Сегодня я — табуретка с характером. А завтра, может быть, я стану драконом.

— Может, сегодня действительно стоит начать с чего-то решительного? Например, пересадить цветы. Или сменить гардероб.

Или, на самый крайний случай, — начать собирать вещи. На случай, если придётся сбегать в лес к ведьме.

Я допила чай, встала и, бросив прощальный взгляд на портрет свекрови, справа, направилась к лестнице.

— Чудесное утро!

Глава 4

Я вышла в коридор и остановилась перед большим зеркалом в резной раме. Из отражения на меня смотрела женщина с растрепанными русыми волосами, в мятом утреннем платье. Глаза блестели, как две монетки. В уголках губ затаилась улыбка — хитрая, кошачья, будто я только что стащила сметану и знаю, что меня не поймают. Я не узнавала себя — и это было восхитительно.

— Так, — сказала я своему отражению, уперев руки в бока. — С чего начнем? С гардероба? С макияжа? Или сразу с плана побега?

Отражение выразительно промолчало, но я решила, что это знак. Молчание — оно бывает золотым, а бывает просто трусливым. Моё отражение явно было из второй категории, но я его простила. В конце концов, мы обе только учимся быть смелыми.

Начать решила с гардероба. Потому что если уж я собралась становиться новой собой, то новая я не может ходить в этом унылом сером платье, которое выбрал для меня муж.

Я решительно развернулась и направилась к лестнице, но на полпути замерла, как вкопанная. В голову пришла мысль, от которой я даже прикусила губу, чтобы не рассмеяться вслух. А что, если не просто сменить гардероб, а устроить целое представление? Что, если мне не просто выйти кужи-

ну, а «выйти» — так, чтобы все ахнули, Ричард поперхнулся своим вином, а леди Маргарет подавилась завистью? В конце концов, раз уж меня сослали в комнату «не высовываться», почему бы не сделать это с максимальным шиком?

— Мэри! — позвала я, быстро взбегая по ступенькам. — Мэри, дорогая, ты еще здесь?

Горничная выскочила из комнаты для прислуги. В руках она держала носок с торчащей спицей — видимо, штопала хозяйское добро.

— Миледи? Что случилось? Вы так кричите... Я уж подумала пожар!

— Ничего не случилось, — я схватила ее за руку и потащила в свою спальню, чуть не споткнувшись о ковровую дорожку. — Случится кое-что грандиозное. Ты умеешь шить? Не просто пуговицы, а по-настоящему? Как портниха из лучших домов столицы?

— Ну... — Мэри замялась, перекладывая носок из руки в руку. — Пуговицы пришиваю — закачаешься. Штопаю так, что дырку не найдешь. Но чтобы платье сшить... я, конечно, пробовала, но у меня вышло что-то среднее между мешком и палаткой. Матушка сказала, что мне лучше довериться профессионалам.

— Этого достаточно, — я решительно махнула рукой. Довериться профессионалам? У меня нет времени ждать профессионалов. У меня есть четыре часа и горячее желание утереть нос своему супругу. — Давай-ка посмотрим, что у

нас есть из тканей. И, ради всех святых, найди мне хоть что-нибудь красное! Или золотое!

Мы ворвались в спальню, я распахнула шкаф, с полки свалилась коробка со старыми кружевами, и та с глухим стуком приземлилась на пол, рассыпав вокруг себя ворох пожелтевшего тюля. Мэри ахнула и бросилась поднимать, но я остановила ее властным взмахом руки.

— Оставь. Пусть лежит. У нас нет времени, только миссия.

— Какая, миледи? — Мэри замерла с кружевом в руке, глядя на меня круглыми глазами.

— Доказать, что я — не табуретка, — я вытащила то самое зеленое платье, которое висело в шкафу уже три года, и приложила к себе. Ткань приятно зашуршала, будто одобряя мою затею. — И что я умею блеснуть. Даже если не умею натирать чайники. Даже если меня никто не учил быть яркой!

Мэри смотрела на меня с таким выражением, точно я предложила ей сбегать в цирк и выступать там с медведями. Но она была хорошей горничной — преданной, с чувством юмора и, что важнее всего, с острой ненавистью к его сиятельству за то, что он вечно не платит жалованье вовремя. Поэтому она просто кивнула и полезла в нижний ящик комода, где хранились обрезки тканей и её секретные запасы.

— У нас есть немного красного бархата, — сказала она, вытаскивая сверток, перевязанный бечевкой. Она развернула его с благоговением, как сокровище. — Я берегла его на

чехол для швейной машинки, но, думаю, машинка подождет. Она у нас терпеливая.

Я рассмеялась. Смех получился звонкий, какой-то новый — он вырвался из груди сам собой.

— Мэри, ты — сокровище. Настоящий клад. Давай сюда этот бархат! Мы сделаем из него такое, что сам король позавидует!

Следующие два часа мы провели в творческом хаосе, который больше напоминал мастерскую сумасшедшего портного. Мэри штопала, подшивала, пришивала кружева туда, куда я указывала, и пару раз даже укололась иголкой, но мужественно не пищала. Я же примеряла платье, отбраковывала варианты один за другим с безжалостностью, и в итоге создала нечто среднее между вечерним туалетом и боевым облачением женщины, которая больше не намерена терпеть.

Зеленое платье село идеально, будто его шили на меня заново. Я добавила к нему алый пояс из бархата, который Мэри соорудила из той самой заначки, и нашла на корсаж несколько брошей, которые нашла в материнской шкатулке. Одна брошь была с изумрудом, вторая — с рубином, а третья, самая любимая, — с крошечным дракончиком, кусающим свой хвост. Матушка говорила, что эта брошь приносит удачу тем, кто решился на перемены.

Получилось ярко, вызывающе и совершенно неподходяще для тихого вечера в компании.

— Миледи, — Мэри отступила на шаг, разглядывая ре-

зультат, и присвистнула, позабыв о приличиях. — Вы выглядите как... как королева северных земель, которая собралась на бал к горным троллям. Или как жена дракона, которая устала терпеть его выходки.

— Это комплимент? — уточнила я, поворачиваясь перед зеркалом. Платье шелестело, броши сверкали, а алый пояс стягивал талию, делая меня похожей на воительницу из древних легенд.

— Самый лучший, — серьезно кивнула она. — Честный. Вы в этом платье напугаете кого угодно. Даже его сиятельство. Особенно его сиятельство.

Я довольно хмыкнула, поправила брошь с дракончиком и бросила взгляд на часы. До вечернего приема оставалось еще около четырех часов. Вполне достаточно, чтобы успеть навестить Хьюмса, выяснить пару секретов и, возможно, набросать план Б на случай, если мой супруг все-таки передумает и прикажет мне спуститься к гостям. Или на случай, если он, наоборот, настоит на том, чтобы я сидела в комнате.

— План Б, — пробормотала я, выходя из спальни. — Всегда нужен план Б.

Я спустилась на первый этаж, чувствуя, как каблук по-новому стучат по паркету — уверенно, громко, почти вызывающе. Направилась к кухне, чтобы найти Хьюмса и разведать обстановку, но у дверей в столовую меня перехватил знакомый голос — низкий, с легкой хрипотцой и нотками искреннего удивления:

— Леди Вэлс? Вот вы где! А я уж думал, что вы сегодня не выходите к гостям!

Я обернулась, и сердце пропустило удар, а потом еще один — будто наверстывало упущенное.

В дверях стоял лорд Эшли — тот самый, что должен был приехать сегодня вечером. Только, судя по всему, он приехал раньше. На час. Или на три. Или, может быть, на целую вечность раньше. В руках он держал букет полевых цветов — простых, но таких свежих, что от них, казалось, пахло летом — и смотрел на меня с таким искренним удивлением, что я невольно остановилась, будто наткнулась на невидимую стену.

Лорд Эшли был невысок, но ладно скроен, с шапкой темных кудрей и глазами такого теплого карего цвета, что в них хотелось утонуть, как в чашке хорошего шоколада. Он всегда улыбался так, будто знал какую-то тайну, и эта тайна была чертовски приятной.

— Лорд Эшли? — я постаралась изобразить вежливое недоумение, хотя внутри всё трепетало, — Вы разве не должны быть... позже? Вы приехали раньше. Наш дворецкий, кажется, не предупредил меня.

— Должен был, — он тепло улыбнулся, появились ямочки, которые делали его похожим на озорного мальчишку, а не на серьезного лорда. — Но я решил приехать пораньше. Хотел прогуляться по вашему саду, говорят, здесь чудесные розы. А вместо роз нашел вас. И, позвольте заметить, вы вы-

глядите... ослепительно.

Я почувствовала, как щеки начинают розоветь, и это было чертовски некстати. Вот тебе и «сиди в комнате и не высывайся». Первый же гость, который меня увидел, — и я уже стою перед ним в вызывающем зеленом платье, с распущенными волосами и, кажется, с кусочком нитки, прилипшим к подолу. Я машинально дернула юбку, надеясь, что он не заметил.

— Лорд Эшли, я... — я запнулась, пытаюсь собраться с мыслями, но они усердно разбежались, — Боюсь, мой муж не предупредил меня о вашем раннем визите. Я не одета для приема гостей. Я вообще не планировала никого видеть сегодня.

— Ах, вы одеты для чего-то другого? — спросил он с искренним любопытством, склонив голову набок. В его глазах заплясали смешинки. — Для чего же? Для тайного бала? Для дуэли? Для побега с таинственным незнакомцем?

Я моргнула. Вопрос застал меня врасплох. Для чего я одета? Для бунта? Для побега? Для того, чтобы хоть раз в жизни почувствовать себя не серой мышью, а женщиной, которая может свернуть горы? Или хотя бы сдвинуть с места этот проклятый шкаф с кружевами?

— Я одета для себя, — ответила я тверже, чем ожидала, — Для себя и для драконов. Но это долгая история. И, боюсь, не очень приличная.

Лорд Эшли рассмеялся — легко и искренне. Его смех раз-

летелся по коридору, как солнечные зайчики.

— Знаете, леди Вэллс, — сказал он, протягивая мне букет, который я приняла автоматически, всё еще не веря, что это происходит. — Я всегда считал, что ваш супруг — человек выдающейся скуки. Я бывал на его приемах, и они нагоняли на меня тоску. Но вы... вы — приятное исключение. Позвольте пригласить вас на прогулку по саду? Уверяю, розы там ничуть не менее прекрасны, чем хозяйка дома. И, кажется, у меня есть пара вопросов про драконов.

Я замерла с букетом в руках, чувствуя, как аромат полевых цветов щекочет ноздри. Мой муж приказал мне сидеть в комнате и не показываться гостям. А тут — первый же гость, который приехал раньше, зовет меня в сад. Да еще и с комплиментами, от которых у меня подкашиваются колени, и с улыбкой, от которой на душе становится тепло и щекотно.

О, матушка бы мной гордилась. Или ужаснулась. Но скорее второе. «Это же неприлично, юная леди».

Дракончик в груди, который, кажется, поселился там вчера, встрепенулся и чихнул искрами.

— С удовольствием, лорд Эшли, — ответила я, чувствуя, как на губах расцветает улыбка. — Позвольте только предупредить вас: мой муж может быть не в восторге. Он сегодня не в духе. У него был тяжелый завтрак.

— О, я не сомневаюсь, — лорд улыбнулся еще шире, — Именно поэтому я и приглашаю вас. Скука — страшный грех, леди Вэллс.

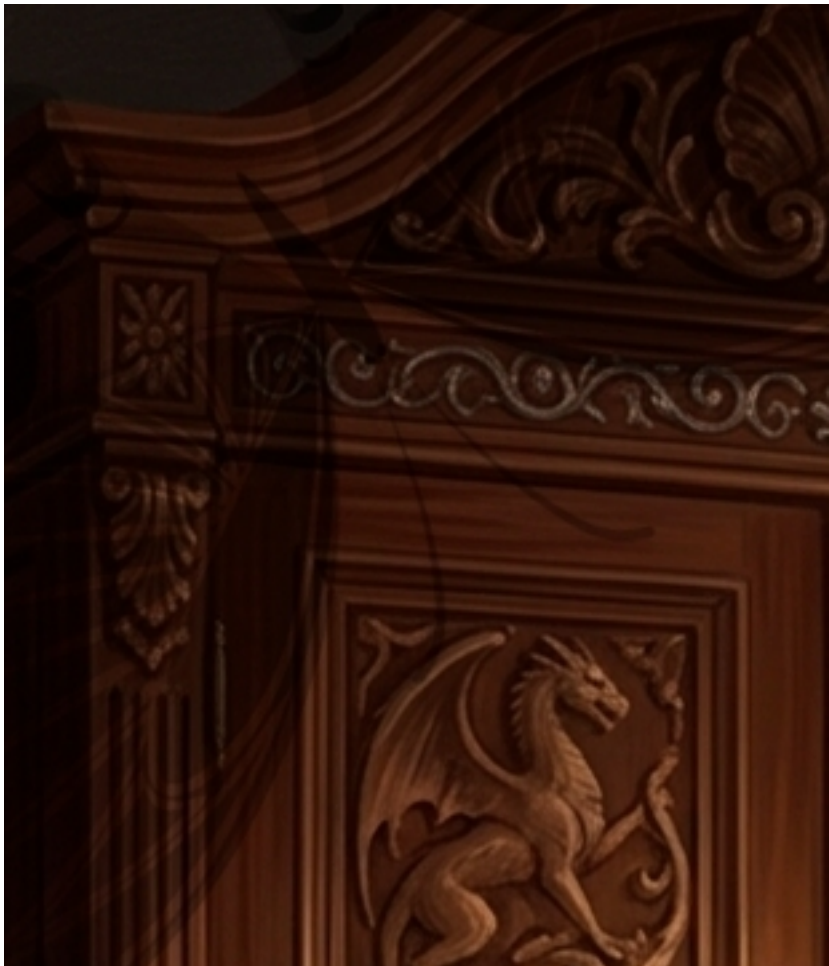
— В сад так в сад, — сказала я, делая шаг ему навстречу. — Только предупреждаю: там могут быть не только розы, но и крапива. Я наступила в неё вчера, и она до сих пор обижается.

— Я рискну, — ответил лорд, протягивая мне руку. — Ради такой компании я готов рискнуть даже встречей с драконом.

Я взяла его под руку, и мы направились к выходу. Солнце светило в окна, птицы заливались залиvistыми трелями, а я впервые за долгое время чувствовала, что жизнь только начинается. И пусть Ричард будет в ярости.

Я иду в сад. С лордом Эшли.

Арт. Глава 4

Глава 5

Мы вышли в сад. Воздух здесь пах иначе, чем в доме — свободой, зеленью и чуть-чуть сыростью от недавно политых клумб. Этот запах щекотал ноздри и будто бы говорил: «Дыши глубже, ты больше не в клетке». Солнце уже начало клониться к закату, бросая на дорожки длинные золотистые тени, и сад выглядел так, будто его подсветили изнутри — каждый лист, каждый лепесток сиял, словно бы нарисованный лучшим художником королевства.

Лорд Эшли шел рядом, заложив руки за спину, и с любопытством поглядывал на меня искоса.

— Вы знаете, — начал он, когда мы свернули на аллею, обсаженную кустами роз, — я бывал в этом доме много раз. На обедах, приемах, званых ужинах. Видел вас — но словно и не видел. Вы были как часть мебели — красивая, но незаметная. Прошу прощения за откровенность.

— Я была довольно незаметной, — кивнула я, соглашаясь, прикасаясь к лепестку розы. Колючка царапнула палец, но я не обратила внимания. — Так удобнее. Мебель не задает вопросов, не требует ответов и не лезет в дела, которые ее не касаются.

— Для кого? — спросил он, останавливаясь и поворачиваясь ко мне. В его карих глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. — Для вас или для него?

— Для мужа, — ответила я честно, чувствуя, как слова вырываются сами собой, без разрешения. — Быть удобной — это искусство. Я им овладела в совершенстве. Могла бы преподавать.

Он хмыкнул, но промолчал. Мы прошли еще немного, и я заметила, что он то и дело бросает взгляды на мое платье, словно не может поверить своим глазам. Зеленый бархат, алый пояс, броши, которые поблескивали в лучах заката, — я чувствовала себя не то павой, не то пиратским капитаном, который только что захватил вражеское судно.

— Лорд Эшли, — я решила взять быка за рога, потому что дракончик внутри требовал действий, а не прогулок с комплиментами. — Вы ведь не просто так приехали раньше? Не говорите мне, что это случайность. Я в случайности не верю. Особенно после того, как обнаружила, что моя горничная хранит запас красного бархата для швейной машинки.

Он остановился и повернулся ко мне. Улыбка стала чуть тоньше и чуть загадочнее.

— А если я скажу, что меня пригласили? — он выдержал паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — Письмом. Анонимным. Где сообщалось, что сегодня в этом доме произойдет нечто интересное, и мне стоит приехать пораньше, чтобы ничего не пропустить. И что леди Вэллс, возможно, понадобится союзник.

Я замерла, чувствуя, как сердце пропустило удар, а потом еще один.

— Письмо? От кого?

— Без подписи. Но почерк был... скажем так, уверенный. Старческий, но твердый, как рука человека, который привык отдавать приказы. И внизу стояла приписка: «Захватите цветы. Леди Вэлс их заслужила».

Я открыла рот, закрыла, снова открыла. Воздух закончился, и я сделала глубокий вдох, чтобы не упасть в обморок. Хьюмс. Ну конечно, Хьюмс. Кто же еще мог подбросить анонимное письмо и посоветовать захватить цветы? Старый интриган. Он знал. Он всё знал. С самого утра, наверное, наблюдал за мной из-за двери и делал пометки в своем блокноте дворецкого.

Я мысленно пообещала себе добавить ему в чай тройную порцию коньяка при следующей встрече. И, может быть, подарить новые запонки.

— И вы поверили анонимному письму? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё бурлило.

— Обычно нет, — лорд Эшли пожал плечами с такой небрежностью, будто речь шла о выборе напитка на ужин. — Но у меня было предчувствие. И знаете... — Он наклонился чуть ближе, и я уловила тонкие нотки его парфюма. — Оно не обмануло. Вы сегодня выглядите так, будто собираетесь взорвать этот дом. Или, по крайней мере, устроить в нем пожар. Я хочу это увидеть.

Я сглотнула, чувствуя, как горло пересохло. Дракончик

внутри довольно заурчал, забил хвостом и выпустил облачко дыма, от которого у меня защипало в носу. Я приказала ему замолчать, но он не слушался. Не хватало еще, чтобы лорд Эшли заметил, что я урчу в ответ на его комплименты — это было бы уже слишком даже для такого дня.

— Лорд Эшли, — я сделала шаг назад, чтобы восстановить дистанцию и заодно убедиться, что ноги меня держат, — вы, кажется, флиртуете с замужней женщиной. Прямо в саду ее мужа. Средь бела дня.

— Кажется, да, — согласился он без тени смущения, даже не моргнув глазом. — А вы, кажется, не против. И день уже не белый, а вечерний. Это меняет дело. Нет?

Я открыла рот, чтобы возмутиться, возмутиться громко и праведно, но вместо этого рассмеялась. Смех вырвался сам собой — звонкий, удивленный, счастливый. Потому что он был прав. Я была не против. Мне это нравилось. Впервые за долгое, бесконечно долгое время кто-то смотрел на меня как на женщину, а не как на предмет интерьера, не как на удобную мебель, не как на серую мышь, которую можно поставить в угол. И это было чертовски приятно. Почти так же приятно, как представлять чайник на физиономии Ричарда.

— Вы опасны, лорд Эшли, — сказала я, качая головой и чувствуя, как улыбка расползается по лицу. — Вы понимаете это? Вы — ходячая опасность для репутации.

— Только для скучающих аристократок, — парировал он с легким поклоном. — А вы, судя по всему, не скучаете. Вы

планируете что-то грандиозное. Я прав? Что-то, от чего у вашего супруга пар пойдет из ушей?

Я прикусила губу, разрываясь между желанием довериться и инстинктом самосохранения. С одной стороны, он — друг моего мужа. С другой — он приехал пораньше по анонимному письму от Хьюмса, принес цветы, и смотрит на меня так, будто я — загадка, которую он намерен разгадать, даже если на это уйдет вся ночь.

— Допустим, — ответила я уклончиво, теребя в руках стебелек цветка, который выпал из букета. — А вы умеете хранить секреты? Или вы из тех, кто рассказывает всё подружкам за бокалом вина?

— Лучше, чем ваш муж умеет хранить верность, — серьезно ответил он.

— Откуда вы... — просипела я, когда ко мне вернулась способность дышать.

— Леди Вэлс, — он вздохнул и провел рукой по волосам, отчего те растрепались и сделали его еще более обаятельным, чем обычно. — Об этом судачат все. Абсолютно все. В клубах, гостиных, на приемах. Уже третью неделю. Просто вы последняя, кто узнал. Вы случайно не заметили, что служанки перешептываются, когда вы проходите мимо?

Я моргнула, чувствуя, как реальность наваливается на меня всей своей тяжестью. Честно говоря, я старалась не замечать перешептываний. Я вообще старалась не замечать ничего, что могло бы нарушить мой хрупкий покой серой мы-

ши. Серая мышь не обращает внимания на шорохи, она прячется. Она забивается в угол и ждет, пока опасность минует.

Но опасность не миновала. Она была здесь, стояла передо мной в образе лорда с опасной улыбкой и букетом цветов, и намекала, что весь дом уже неделями обсуждает то, о чем я боялась даже думать.

— Я думала, это просто слухи, — тихо сказала я, глядя на розы, которые начинали терять свои лепестки в вечернем свете. — И надеялась, что это сплетни.

— Сплетни? — лорд Эшли покачал головой. — Леди Вэллс, я был тому свидетелем.

Я замерла. Куст розы вцепился в мое платье колючкой, но я не чувствовала боли. Внутри что-то перевернулось, жалось в тугой комок, а потом... отпустило. Странно, но вместо гнева или обиды я почувствовала странное облегчение. Как будто я всё это время знала, но боялась признаться самой себе.

— Спасибо, что сказали, — выдохнула я, расправляя плечи. — Правда. Честно говоря, я даже рада, что это не я схожу с ума.

Лорд Эшли внимательно посмотрел на меня, будто проверяя, не собираюсь ли я упасть в обморок или, наоборот, броситься крушить садовые статуи.

— И что вы теперь будете делать? — спросил он тихо.

Я посмотрела на дом, где в окнах уже зажигались огни, готовясь к вечернему приему. Потом перевела взгляд на свои

руки — в них всё ещё был зажат букет, который пах полем и свободой. Я улыбнулась.

— Для начала — закончу прогулку с вами. А потом... — я повернулась к нему и встретила его взгляд. — Потом я пойду на ужин. Не прятать же это платье в шкафу, верно?

Глава 6

Солнце уже почти село, и сад погрузился в сумерки, подсвеченные тёплым светом из окон. Где-то внутри уже слышались голоса гостей — звон бокалов, приглушённый смех, женские восклицания. Вечерний приём начинался.

В дальнем углу, у камина, стоял Ричард с бокалом в руке. Он разговаривал с каким-то пожилым лордом, но, заметив меня, поперхнулся на полуслове. Бокал дрогнул в его руке, и тёмно-красная жидкость плеснулась на манжету.

— Добрый вечер, дорогой, — пропела я, приближаясь к нему с самой невинной улыбкой, на которую была способна. — Ты не представишь меня своим гостям? Кажется, я многих не знаю. Как-то так вышло, что я всё время сидела в углу.

Изначально речь шла о паре гостей, но, похоже, их количество внезапно возросло. Конечно же, предупредить меня он не догадался.

Ричард побагровел. Его челюсть сжалась, и я буквально увидела, как он пересчитывает в голове все те слова, которые хотел бы мне сказать, но не может при гостях.

— Дорогая, — выдавил он сквозь стиснутые зубы, — ты решила... присоединиться к нам?

— А почему нет? — я взяла с подноса проходящего лакея бокал с шампанским. — День был чудесный, сад просто великолепен, и я подумала: почему бы не провести вечер в

кругу друзей? Тем более, — я сделала глоток и посмотрела ему прямо в глаза, — мне есть что отпраздновать.

Он напрягся. Я видела, как его пальцы сжались сильнее, и на мгновение мне показалось, что он готов запустить бокалом в стену. Но вокруг были гости, и он сдержался.

— И что же ты празднуешь? — спросил он с плохо скрываемой угрозой.

Я сделала ещё один глоток шампанского. Пузырьки щеко-тно танцевали на языке.

— Свой день рождения, — соврала я с абсолютно невозмутимым лицом. — Он был на прошлой неделе, но ты был так занят, что я решила отпраздновать сегодня. С теми, кто оценит.

В зале повисла тишина. Кто-то из гостей кашлянул, кто-то сделал вид, что не расслышал. Ричард побелел.

— Леди Вэллс! — раздался спасительный голос от дверей.

Я обернулась и увидела леди Мейбл Торнхилл — женщину с самым острым языком в округе. Она плыла ко мне, раскинув руки для объятий, вся в золотистом шёлке и с такой ослепительной улыбкой, что даже Ричард на мгновение растерялся.

— Дорогая, вы сегодня просто божественны! — воскликнула она, обнимая меня и чмокая в щёку. — Я всё ждала, когда же вы перестанете прятаться и покажете себя. Наконец-то! Пойдёмте, я представлю вас кое-кому. Вы обязаны познакомиться с моей племянницей, она обожает зелёный

цвет и, кажется, мы с вами найдём общий язык.

Она буквально выдернула меня из-под носа супруга, подхватив под руку и увлекая в сторону диванов, где уже собралась компания дам и нескольких мужчин. Я оглянулась через плечо и успела заметить, как лорд Эшли подошёл к моему мужу и, дружески хлопнув его по спине, что-то сказал, отчего Ричард поморщился.

— Спасибо, — выдохнула я, когда мы отошли на безопасное расстояние. — Вы спасли меня от публичного скандала.

— О, я обожаю публичные скандалы, — беспечно отмахнулась леди Мейбл. — Просто считаю, что они должны происходить в подходящий момент. А этот момент ещё не настал. Дайте ему созреть. — Она подмигнула мне и усадила на диван рядом с симпатичной блондинкой, которая тут же протянула мне тарелку с пирожными. — Ешьте, дорогая. Вам нужно набираться сил. По лицу вижу, что сегодня вы ещё не ужинали.

Я не стала спорить. Взяла пирожное и с наслаждением откусила кусочек. Шоколад растопился на языке, и на мгновение я почувствовала себя почти счастливой.

Счастье длилось ровно до тех пор, пока я не подняла глаза и не увидела у входа в гостиную знакомую фигуру. Женщина. Молодая. С длинными чёрными волосами, в изумрудном платье, которое стоило больше, чем месячное жалование всей прислуги. Она вошла, оглядела зал, и её взгляд остановился на Ричарде.

Я замерла с пирожным в руке.

Три золотых. Простыня. Красный бархат на швейную машинку.

— О, — выдохнула я, чувствуя, как шоколад превращается в пепел во рту. — Кажется, вечер только что перестал быть томным.

Леди Мейбл проследила за моим взглядом и понимающе хмыкнула.

— Ах, это. Я думала, она не явится. Совести, видно, ей не занимать. Ну, по крайней мере, будет интересно.

— Интересно? — я повернулась к ней. — Леди Мейбл, это не интересно. Это катастрофа.

— Милая моя, — она похлопала меня по руке, — катастрофа — это когда дракон приземляется на твою теплицу с редкими орхидеями. А это — всего лишь светский вечер с небольшой долей драмы. Справитесь.

Я посмотрела на неё, потом на женщину в изумрудном, которая как раз направилась к Ричарду, сверкая улыбкой. Потом перевела взгляд на лорда Эшли, который уже стоял у столика с напитками и поднял бокал в мою сторону.

Дракончик в груди заворочался, чихнул и требовательно стукнул хвостом.

— Ладно, — сказала я, откусывая ещё кусочек пирожного и чувствуя, как смелость возвращается с каждым глотком шоколада. — Просто понаблюдаем. Пока что...

Вечер шёл на удивление неплохо. Я успела съесть четы-

ре пирожных, выпить два бокала шампанского и обменяться любезностями с тремя пожилыми леди, которые наперебой хвалили моё платье и интересовались, не сменила ли я портниху.

Ричард держался на расстоянии. Он то и дело бросал на меня взгляды, полные плохо скрываемой ярости, но вмешаться не решался — слишком много свидетелей. А его любовница, женщина в изумрудном, кружила по залу, как акула в мутной воде, но ко мне не приближалась. Видимо, тоже не хотела скандала.

К десяти вечера я почувствовала, что моя миссия на сегодня выполнена. Я показала, произвела впечатление, съела почти все пирожные с шоколадом. Пора было удалиться с чувством выполненного долга, пока удача не отвернулась.

— Голова разболелась, — сообщила я леди Мейбл, прикладывая ладонь ко лбу для убедительности. — Душно здесь. Пойду прилягу.

— Конечно, дорогая, — она понимающе кивнула, но в глазах мелькнуло что-то похожее на беспокойство. — Вы уверены, что не хотите, чтобы я проводила вас?

— Не стоит. Я доберусь сама. Отдыхайте.

Я поднялась на второй этаж, чувствуя, как каблуки утопают в мягком ковре, и с каждым шагом напряжение отпускало. Вечер удался. Я выжила. Я даже почти наслаждалась.

В коридоре было тихо. Голоса гостей доносились снизу приглушённо, словно из-под воды. Я дошла до двери своей

спальни и уже взялась за ручку, как вдруг услышала голоса. Они доносились из соседней комнаты — кабинета Ричарда. Дверь была приоткрыта, и щель пропускала полоску золотистого света.

Я замерла.

— Я устала ждать, Ричард. — Голос был женским, низким и капризным. Тот самый. Изумрудное платье. — Ты обещал, что всё решишь. Сколько можно тянуть? Она всё ещё здесь. Мало того — она сегодня вырядилась, как павлин, и весь вечер мозолила мне глаза.

— Тише, Лилиан. — Голос мужа звучал раздражённо, но с нотками усталости. — Я не могу вышвырнуть её прямо сейчас. Это вызовет вопросы.

— Так сделай так, чтобы вопросов не было, — пропела эта самая Лилиан. — Ты же умный мужчина. Неужели не придумаешь, как избавиться от надоевшей жены? Несчастный случай. Болезнь. Побег с любовником. Мало ли вариантов?

У меня похолодели пальцы. Я стояла в темноте коридора, прижавшись спиной к стене, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле.

— Она крепче, чем кажется, — буркнул Ричард. — Я думал, после того раза она притихнет, но нет. Вылезла. Ещё и платье это нацепила.

— Ах, пощечина, — Лилиан вздохнула с притворным сочувствием. — Милый, пощечина — это полумера. Нужно что-то основательное. Ты хочешь, чтобы я придумала? У ме-

ня есть одна знакомая ведьма на окраине. Она делает настои, от которых люди исчезают без следа. Дорого, но, согласишься, оно того стоит. Или... можно просто ударить ее чем потяжелее и вывезти в лес. На съедение волкам.

На мгновение мне показалось, что я ослышалась. Ведьма. Настой. Чтобы исчезнуть без следа. Что-то тяжелое. Лес. Волки. Они обсуждали это так спокойно, будто речь шла о покупке нового чайного сервиза.

— Я подумаю, — ответил Ричард после паузы. — Но не здесь и не сейчас. Уходи. Гости начнут расходиться, нас могут хватить.

— Хорошо, — в голосе Лилиан послышалась улыбка. — Но ты знаешь, где меня найти. И помни: я не привыкла ждать вечно.

Послышался звук шагов, шелест юбок. Я метнулась в свою спальню, бесшумно прикрыв дверь за секунду до того, как дверь кабинета открылась и коварная сука вышла в коридор.

Я стояла в темноте, прислонившись лбом к прохладному дереву двери, и пыталась унять дрожь.

— Как до этого дошло?...

Глава 7

Прошло уже несколько дней. Я плохо спала, просыпаясь от каждого шороха. Скрип половицы заставлял сердце подпрыгивать к горлу. Стук ветки о стекло — вскакивать с постели и всматриваться в темноту за окном. Собственное дыхание в тишине спальни — казалось, что за дверью кто-то стоит и прислушивается.

Я плохо ела. Только то, что приносил Хьюмс. И обязательно пробовал сам перед тем, как подать. Я поднесла это не как боязнь, что что-то подсыпят. А как то, что не понимаю достаточно ли солено или не горько.

Конечно, о том, что я услышала, я ему не рассказала. Во-первых, я не была уверена, что Хьюмс не кинется душить моего мужа голыми руками прямо во время завтрака, а мне совсем не хотелось объяснять королевской гвардии, почему мой дворецкий повесил столь почитаемого господина на гардине. Во-вторых, если уж я подумывала сбежать, то бежать нужно было тихо. Без свидетелей. Без лишних вопросов. Хьюмс бы понял. Хьюмс бы помог. Хьюмс бы даже, возможно, подал мне узелок и придержал дверь. Но он же бы и пошёл до конца — до той черты, за которую возврата нет, а мне совсем не хотелось, чтобы он марал руки из-за меня.

Но Хьюмс был не дурак. Он видел, что я сама не своя. Видел, как я вздрагиваю от каждого звонка в дверь. Как цеп-

ляюсь в подлокотники кресла, когда в коридоре раздаются шаги. Как бледнею, если кто-то упоминает имя моего мужа.

— Миледи, — сказал он однажды утром, подавая мне завтрак в спальню. Я перестала спускаться к столу, ссылаясь на мигрень, и, кажется, даже сам Ричард был рад, что я не мозолю ему глаза, — вы уже шестой день не притрагиваетесь к книгам. Это тревожный знак.

Я подняла на него усталые глаза. Под ними залегли тени. С самого того вечера я едва ли закрывала их, как слышала шорох юбок в коридоре, и «ее» голос, хотя знала, что там никого нет.

— Просто нездоровится, — солгала я, отодвигая тарелку с тостом. Аппетита не было. Желудок сжимался в тугой узел при одной мысли о еде.

Он не стал выпытывать. Просто настоял на том, чтобы я выпила хотя бы чай. Я вздохнула — тот самый вздох, когда понимаешь, что спорить бесполезно, — и послушно взяла чашку.

Он был горячим, с мятой и капелькой меда — именно так, как я любила. Пар поднимался над поверхностью, щекоча ноздри свежим травяным ароматом. Хьюмс знал всё. Мои привычки. Мои слабости. Мой любимый сорт чая. И, кажется, даже все мои потайные мысли.

Я сделала глоток, чувствуя, как тепло разливается по груди, согревая изнутри. Ещё глоток. И ещё. Чай был на удивление успокаивающим — может быть, потому что его при-

готовил человек, которому я доверяла больше, чем всем живущим в этом доме?

— Миледи, — сказал он, забирая пустую чашку. Его пальцы, сухие и аккуратные, на мгновение задержались на фарфоровой ручке. — Утром вам пришло письмо от вашей сестры. Она предложила вам присоединиться к чаепитию завтра после полудня. Что мне ответить?

Я задумалась, глядя в окно, где серое небо давило на влажный сад. С одной стороны, никуда идти не хотелось. Я не любила такие посиделки — вежливые улыбки, пустые разговоры, притворство. Сил на притворство у меня почти не осталось. С другой... Нужно было хоть ненадолго отвлечься. Размять кости. Вдохнуть воздух, который не пахнет предательством. Увидеть лицо, которое не желает мне зла.

— Передай, что я приеду.

Я приняла приглашение и завтра же поехала к сестре.

Утро выдалось серым, но без дождя. Тучи висели низко, цепляясь за верхушки деревьев, но хотя бы ничего не капало за шиворот. Я надела простое грязно-коричневое платье с золотыми узорами — не то, чтобы я собиралась сливаться с обстановкой, просто яркие наряды теперь привлекали слишком много внимания, а внимание мне было ни к чему. Поверх накинула плащ с капюшоном и попросила Хьюмса подать экипаж к чёрному ходу, чтобы не пересекаться с Ричардом.

Дворецкий понимающе кивнул и через десять минут уже

помогал мне забраться в карету.

— Я пришлю за вами к шести, миледи, — сказал он, поправляя плед на моих коленях. — Если изволите задержать-ся, пришлите записку.

— Спасибо, Хьюмс. Ты предусмотрителен, как всегда.

— Я просто люблю порядок, миледи, — ответил он с лёгким поклоном и захлопнул дверцу.

Карета тронулась. Колеса зашуршали по гравию, и я откинулась на сиденье, позволив себе наконец выдохнуть. Воздух здесь, за пределами поместья, казался другим — легче, чище, без приторного запаха духов любовницы, который, казалось, пропитал каждый угол дома.

Я закрыла глаза и позволила покачиванию кареты убаюкать меня.

Впервые за несколько дней я не вслушивалась в шаги за спиной.

Дом моей сестры находился в двадцати минутах езды — небольшой, уютный особняк с розовым садом и зелёными ставнями, который она получила в наследство от покойного мужа. При жизни он был заядлым садоводом и теперь сад буйствовал красками даже в серую погоду.

Вивьен была старше меня на пять лет и всегда считала своим долгом опекать младшую сестру, даже если та этого не просила. Она вмешивалась в мои дела с той же бесцеремонной любовью, с какой кошка перетаскивает котят за шкурку, — грубовато, но от души.

Экипаж остановился у ворот, и не успела я сделать и шага, как дверь распахнулась и сестрица вылетела на крыльцо, сияя, как начищенный самовар. Темные волосы, что пошли от отца, небесно-голубые глаза матери. На ней было ярко-сиреневое платье, которое, видимо, должно было поднимать настроение, и оно действительно работало — даже небо, казалось, посветлело при её появлении.

— Эмили! — воскликнула она, заключив меня в объятия.
— Ты приехала! Я уже боялась, что ты откажешься.
Да-да.. будто у меня было много выбора.

Визуал. Вивъен

Глава 8

— Ты выглядишь ужасно! Что случилось?

— Ничего не случилось, — соврала я, чмокая её в щёку. Кожа у неё была мягкая, тёплая, и на мгновение мне захотелось просто стоять и вдыхать этот запах дома. — Просто не высыпаюсь.

— Не высыпается она, — фыркнула Вивьен, хватая меня под руку и таща в дом. — Я тебя знаю. Ты, когда спишь плохо, становишься бледной как поганка. А тут ещё и круги под глазами — ты на покойника похожа, прости господи. Проходи, я запросила твой любимый яблочный пирог. И мятный чай. И ещё те маленькие печенья с корицей, которые ты обожаешь.

Она говорила без остановки, тараторя слова так быстро, что я едва успевала улавливать смысл. И это было прекрасно. Это было именно то, что мне нужно: шум, суета, чей-то голос, который заглушает шепот в моей голове.

Я позволила себя усадить в уютное кресло у камина. Огонь весело потрескивал, отбрасывая золотистые блики на стены. Я приняла чашку ароматного чая — фарфор обжёг пальцы сквозь тонкую ткань перчаток — и тарелку с пирогом. Вивьен устроилась напротив, поджав под себя ноги, и смотрела на меня с выражением, которое я хорошо знала: она готовилась к допросу.

— Ну, — начала она, откусывая кусочек пирога. Крошки посыпались на скатерть, но она не обратила внимания. — Рассказывай. Что стряслось? Только не говори, что ничего, я тебя с пелёнок знаю. Ты вся дрожишь, как осиновый лист.

Я отпила чай, собираясь с мыслями. Чай обжигал язык, но я не чувствовала вкуса. Вивьен была единственным человеком, которому я доверяла. Но рассказывать ей о мечтательном плане побега, который я крутила в голове уже третью ночь, было рискованно — она могла либо попытаться меня отговорить, либо, что хуже, настоять на том, чтобы помочь лично, а впутывать её в это дело мне совсем не хотелось, как и Хьюмса.

— У меня проблемы с Ричардом, — сказала я уклончиво, глядя в чашку. — Серьёзные.

— С этим козлом, — кивнула Вивьен без капли удивления. — Я всегда говорила, что он козёл. Ещё на свадьбе я это поняла. Ты помнишь, он тогда настоял на том, чтобы пирог был с вишней, хотя ты терпеть не можешь вишню? Это был знак. Знамение свыше. Хотя, конечно, кто бы нас спрашивал, да? Это ведь брак по договору...

Я невольно улыбнулась — впервые за последние дни, кажется.

— Помню. Я тогда чуть не расплакалась прямо у алтаря. Думала: «Господи, если он уже сейчас командует пирогом, что же будет дальше?»

— Надо было плакать, — вздохнула Вивьен, отставляя

чашку. — Может, тогда бы матушка одумалась. Расплакалась бы в голос, упала в обморок, и тебя бы унесли из церкви под руки, а потом сказали бы: «Она больна, свадьбу отменяем». — Она поставила чашку на стол и подалась вперёд, уперев локти в колени. — Что он сделал на этот раз?

Я замялась, крутя в пальцах край скатерти. Рассказывать про подслушанный разговор и про то, что муж и его любовница обсуждают моё убийство, было как-то... тоже слишком. Даже для Вивьен, которая славилась крепкими нервами. Я представила её лицо, когда я скажу: «Они хотят напоить меня настоящим ведьмы, чтобы я исчезла». Нет. Этого она не вынесет.

— Он мне изменяет, — сказала я вместо этого, глядя ей в глаза. — И не скрывает этого. Приводит её в дом.

Вивьен нахмурилась, её глаза потемнели, став цвета грозового неба, а губы сжались в тонкую линию.

— Я слышала сплетни, — призналась она медленно, словно пережёвывая каждое слово. — Но думала, что это просто слухи. Мало ли что болтают злые языки. Ты уверена?

— Я слышала их собственными ушами, — ответила я, чувствуя, как от воспоминания по коже побежали мурашки. — И она была на приёме на прошлой неделе. Ходила перед всеми, как у себя дома, задрав нос.

Сестра помолчала несколько секунд, переваривая информацию. Я видела, как в её голове прокручиваются варианты: способы мести, планы разоблачения, возможные слова уте-

шения. А потом она сделала то, чего я совершенно не ожидала. Она встала, подошла к буфету и достала бутылку виски и две рюмки. Бутылка была наполовину пуста — видимо, Вивьен тоже переживала последние дни не на одной воде.

— Чай подождёт, — объявила она, ставя бутылку на стол с глухим стуком. — Это дело требует чего покрепче.

Я моргнула:

— Вив, сейчас же день!

— День не помешает выпить за здоровье твоего будущего развода, — отрезала она, откручивая пробку с решительностью полководца перед битвой. — Наливай.

Я не стала спорить. Взяла рюмку, сделала один глоток, виски обжёг горло, прокатился горячей волной, оставляя за собой приятное тепло, которое разлилось по груди. Я почувствовала, как напряжение, державшее меня в стальных тисках последние дни, начало отпускать — сначала плечи, потом шею, потом спину.

Дракончик внутри меня чихнул искрами и довольно заурчал. Ему виски, кажется, тоже понравился.

— Я правда хочу уйти от него, — сказала я, глядя в рюмку, где на дне золотисто поблёскивал остаток. — Совсем. Уехать. Начать новую жизнь.

— Правильно, — кивнула Вивьен, наливая себе ещё. Она пила быстрее. — Я помогу. Деньги? Документы? Крыша над головой? Всё организую. У меня есть связи, ты знаешь.

Я покачала головой, чувствуя, как от этого движения чуть

кружится голова.

— Спасибо, но... я уже почти решила, куда поеду. Мне просто нужно, чтобы ты знала: я в порядке. И что я уезжаю не из-за глупости. А потому что так будет лучше.

Сестра посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом. Я видела, как в её глазах боролись желание расспросить подробнее и уважение к моему решению. А потом вдруг её лицо расплылось в улыбке — тёплой, искренней и немного грустной.

— Я знала, что ты не сдашься, — сказала она. — Ты всегда была сильнее, чем думала. Просто тебе нужно было время, чтобы это понять. — Она чокнулась своей рюмкой о мою. — За новую жизнь, Эмили. И за то, чтобы твой бывший муж подавился вишнёвой косточкой.

— За это я выпью с удовольствием, — улыбнулась я и опрокинула остатки виски в рот.

Мы проговорили ещё часа два. Обо всём: о детстве, о том, как мы воровали яблоки из соседского сада, а потом бегали от разъярённого садовника; о покойном муже Вивьен, который, к слову, был прекрасным человеком и не заслуживал ранней могилы — она рассказывала о нём с теплотой, без надрыва, и я поняла, что она отпустила его; о том, куда я поеду на самом деле — я не назвала точного места.

Вивьен не стала выпытывать детали. Она просто кивнула, сжала мою руку поверх скатерти и сказала:

— Когда решишь, дай знать. Я вышлю тебе деньги на пер-

вое время, а потом приеду к тебе в гости, как только ты устроишься. И привезу ещё выпить. И пирог.

К тому времени, как я вышла на крыльцо, на душе стало легче. Серый панцирь, сдавливавший грудь последние дни, треснул и осыпался. Солнце пробилось сквозь тучи как раз в тот момент, когда я ступила на ступеньку, и осветило мокрый сад, заставив капли на листьях сверкать, как маленькие бриллианты.

Я глубоко вдохнула влажный воздух, пахнувший мокрой землёй и увядающими розами, и почувствовала, как силы возвращаются.

Экипаж тронулся, увозя меня обратно в поместье, где меня ждал узелок, карта и ночь, полная неизвестности. Но теперь я чувствовала себя почти спокойно. Почти готовой.

Почти — потому что стоило мне въехать в ворота, как я увидела знакомую фигуру мужа, стоящую у конюшни. Он опирался плечом о столб, заложив руки в карманы, и смотрел прямо на меня. Взгляд у него был тяжёлый, давящий и неприятный, от которого по спине побежали мурашки.

Вот же чертов гад. Поджидает.

Я стиснула зубы, расправила плечи и приготовилась к встрече.

«Держи себя в руках... терпи, молчи... он не должен знать о твоих планах...»

Глава 9

— Где тебя носило? — первый же вопрос, едва ли я успела вылезти из кареты. Голос мужа резанул по ушам.

Я замерла на подножке, вцепившись пальцами в дверцу. Нога ещё не коснулась з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.